Н. Н. КРАДИН, Т. Д. СКРЫННИКОВА

ИМПЕРИЯ ЧИНГИС-ХАНА

МИР МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ В XII В.

1. Экология степного номадизма

Наиболее общие сведения о скотоводческой экономике монгольских кочевников содержатся в текстах южносунских дипломатов Пэн Дая и Сюй Тина. Из их текстов следует, что у средневековых монголов был классический состав стада кочевников-скотоводов евразийских степей. «Их домашние животные: коровы, лошади, собаки, овцы и верблюды. У овец северных племен шерсть пышная и веерообразный курдюк».

Из всех видов домашнего скота лошадь для монгола имела важнейшее военное и экономическое значение. В «Сокровенном сказании» постоянно присутствуют сюжеты, касающиеся состояния коней, от которых зависела судьба степного сообщества: «§ 193. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело кони», — предлагает Додай-черби Чингис-хану накануне решающих схваток с найманами. Не случайно именно там, где получило распространение так называемое всадничество (для афро-азиатского номадизма место лошади занимал верблюд), кочевники имели важное преимущество в мобильности перед своими оседлыми соседями.

Известный авторитет в области кочевого скотоводства Н. Э. Масанов отмечает другие важные качества лошади: рефлекс стадности, тебеневка[1], скорость, сила и выносливость, терморегуляция, самовыпас и т.д. В то же время он фиксирует ряд черт, осложнявших использование лошади в скотоводческом хозяйстве: необходимость большого количества пастбищ и перекочевок, избирательность в отношении воды и кормов, замедленный цикл воспроизводства: поздний возраст полового (5—6 лет) и физического (6—7 лет) созревания, сезонность размножения, беременность 48—50 недель, низкий (до 30%) уровень выжеребки и пр.

Монгольские лошади были небольшого роста, однако неприхотливость и выносливость позволили использовать их не только для верховой езды, но и для перевозки грузов. «Лошадей у них на первом или втором году жизни усиленно объезжают в степи и обучают. Затем растят в течение трех лет и после этого снова объезжают (их). Ибо первое обучение производится

---

[1] Тебеневка (от тюрк. *тебин* — зимнее пастбище под снегом) — зимняя пастьба сельскохозяйственных животных (оленей, лошадей, овец, крупного рогатого скота) на заснеженных пастбищах. Животные при этом откапывают корм копытами передних ног.

(только) для того, чтобы (они) не лягались и не кусались. Тысячи и сотни составляют табун, (лошади) тихи и не ржут. Сойдя с коня, (татары) не привязывают (его): и так не убежит. Нрав (у лошадей) очень хороший, В течение дня (их) не кормят сеном. Только на ночь отпускают их на пастбище. Пасут их в степи смотря по тому, где трава зелена или высохла. На рассвете седлают (их) и едут» (*Мэн-да бэй-лу*). Монголы использовали специальную технологию нагуливания жира у лошадей, которая делала животных более выносливыми и позволяла им в течение 8—9 дней обходиться без питания и водопоя. Монгольская лошадь способна была преодолевать за неделю 320 км и за двадцать пять дней до 1800 км.

Важную роль выполняла лошадь при зимнем выпасе скота. В случае образования плотного снежного покрова лошадей пускали на пастбище первыми, чтобы они копытами разбили его и обнажили траву (тебеневка). Поэтому соотношение лошадей и крупного рогатого скота или овец в стаде должно быть не менее 1:6. «В их стране, у кого есть одна лошадь, непременно есть шесть-семь овец. Следовательно, если (у человека) сто лошадей, то (у него) непременно должно быть стадо из шестисот-семисот (голов) овец» (*Мэн-да бэй-лу*).

Роль и место лошади в хозяйственной и культурной жизни номадов нашли отражение в фольклоре и обрядах. Не случайно богатство монголов, как и других кочевых народов, определялось количеством лошадей, а в глазах оседлых и городских жителей мифологизированный образ воинственного кочевника ассоциировался со свирепым кентавром — получеловеком-полулошадью.

Монгольский крупный рогатый скот хорошо приспособлен к суровым местным природно-климатическим условиям. «Коровы все только желтые, ростом с южнокитайского буйвола и самые выносливые» (*Пэн Дая, Сюй Тин*). Однако они давали гораздо меньше молока, чем животные, содержащиеся в стойлах, и меньше весили. Для крупного рогатого скота характерны весьма низкая скорость передвижения, неэкономное использование пастбищ, слабо выраженные рефлексы тебеневки и стадности, замедленный цикл воспроизводства (беременность 9 месяцев, рождаемость до 75 телят на 100 маток). Крупный рогатый скот использовался и как тягловая сила. Хорошо известен сюжет из «Сокровенного сказания» (§ 100—102), когда Борте попала в плен к меркитам, потому что ей не хватило лошади, и она ехала в возке, запряженном рябой коровой.

Большую часть поголовья стада составляли овцы. Пэн Дая и Сюй Тин свидетельствовали: «(Татары) больше всего разводят овец и употребляют (их мясо) в пищу». Они не требовали особенного ухода, достаточно быстро размножались, легче, чем другие животные, переносили бескормицу, неприхотливы к качеству пастбищ. Монгольские овцы могут круглый год довольствоваться подножным кормом, грязной водой с повышенной минерализацией, а зимой и вовсе обходиться без воды, которую им заменяет

снег, легче переносят перекочевки, меньше теряют в весе и способны быстро наращивать жир. Овцы гораздо быстрее восстанавливали свой вес после зимних голодовок и за лето прибавляли почти 40% массы тела. Плодовитость овец составляла до 105 ягнят на 100 маток. Овцы являлись для кочевников источником основной мясной и молочной пищи. Баранина по своим вкусовым и питательным качествам считалась лучшим мясом. Из овечьей кожи изготавливался основной ассортимент одежды, а из шерсти — незаменимый для номадов войлок.

Видимо, коз у монголов (как и у других азиатских номадов) было немного (5—10% общего поголовья стада). Они еще более неприхотливы к качеству пастбищ и в некоторых экологически неблагоприятных районах Монголии фактически заменяли овец. Хорошо ориентируясь на местности, они могут вести за собой стадо. Козье молоко обладает повышенной жирностью, но оно не пользовалось популярностью у монголов. Разведение коз считалось менее престижным, чем содержание овец. По мнению монголов, коз держат лишь бедняки.

Одним из важнейших для монголов видов скота был также верблюд. Среди главных достоинств верблюда — способность длительное время (до 10 суток) обходиться без воды и пищи, а также умение употреблять воду с высокой степенью минерализации и растительность, непригодную для питания других домашних животных. Не менее важными достоинствами верблюда являлись огромная сила, высокая скорость передвижения, большая масса тела (до 200 кг чистого мяса и около 100 кг сала). В монгольских степях верблюды использовались в основном для перевозки грузов. Вьюк, перевозимый верблюдом, мог достигать 300 кг, а на санях — 500—600 кг. Обычная длительность дневного перехода составляла 30—50 км.

Правда, по сравнению с лошадью или волом верблюд хуже переносит гололедицу или грязь на дороге: через три-четыре часа передвижения по такой дороге ему нужно отдохнуть. Для верблюдов характерны также отсутствие рефлекса тебеневки, необходимость больших пастбищ, они плохо переносят холод и сырость, у них замедленный цикл воспроизводства (половая зрелость наступает в 3—4 года, низкая фертильность самок — примерно раз в 2—3 года, беременность — более года, плодовитость — 35—45 верблюжат на 100 маток).

Верблюд давал монголам шерсть и молочную продукцию. На юге Монголии верблюд имел такое же значение, как и крупный рогатый скот. Верблюжье молоко очень жирное, из него делали подобие кумыса, сыры и другие продукты, Кроме того, в Гоби высохшие экскременты верблюда использовались как топливо. Средневековые номады монгольских степей разводили как дромедаров, так и бактрианов.

В «Сокровенном сказании» (§ 234) перечисляются основные виды выпасаемых монгольскими скотоводами животных. Однако в письменных источниках нигде не сообщается, как соотносились между собой различные

виды скота в процентном отношении. С этой целью можно воспользоваться данными археологических исследований средневековых памятников периода Монгольской империи, а также этнографическими параллелями, тем более что основные черты экстенсивного пасторального номадизма мало изменились со времен средневековья. Специальные исследования по сопоставлению экономики древних и более поздних кочевников показывают, что состав и процентное соотношение различных видов животных в стаде, протяженность и маршруты перекочевок во многом детерминированы структурой и продуктивностью природной среды. По этой причине с достаточным основанием можно предположить, что наиболее многочисленными в стаде средневековых монголов были овцы — 50—60%. Примерно 15—20% стада составляли лошади и крупный рогатый скот. Оставшаяся часть приходилась на коз и верблюдов.

Основываясь на примерном соотношении количества животных у одной семьи (100—130 овец) и приблизительной численности монгольских номадов в XIII—XIV вв., Л. Г. Динесман и Г. Болд предположили, что общее поголовье скота не превышало 28—30 млн. голов. Нам эти данные представляются слишком завышенными. Они, скорее, отражают количество скота в современной Монголии. Более тонкую методику расчетов предложил Б.-О. Болд. Он опирался на известное количество лошадей у монголов в начале XIII в. (1,4 млн. голов) и в соответствии с традиционной структурой стада рассчитал общее поголовье домашних животных. По его мнению, оно составляло 15,1 млн. голов. Если исходить из его данных, то на одного человека приходилось 17,7 головы скота (причем численность населения монголов здесь включает и тех, кто находился на военной службе в Китае).

Последние приведенные расчеты больше согласуются с выводами других исследователей, в частности Эгами Намио, по мнению которого у древних хунну на человека приходилось около 19 голов животных, и И. М. Майского, согласно данным экспедиции которого в 1918 г. в Монголии на душу населения приходилось 17,8 головы всех видов скота. Всё это подтверждает мысль И. М. Майского, многократно цитировавшуюся другими исследователями, о принципиально ограниченных возможностях развития экстенсивной кочевой экономики: «Я не решаюсь высказать вполне категоричного мнения, ибо в подтверждение его невозможно привести какие-либо достоверные данные, но общее впечатление мое таково, что при системе первобытного скотоводства Автономная Монголия не в состоянии прокормить количество скота, значительно превышающее его теперешнее число. Быть может, при строгой экономии ее травяных ресурсов хватило бы для полуторного против нынешнего количества скота… но не более».

Много это или мало? Основываясь на многочисленных этнографических данных А. А. Тортика, В. К. Михеев и Р. И. Куртиев подсчитали, что для нормального жизнеобеспечения скотоводам необходимо иметь стадо из расчета примерно 36 овец на 1 человека. Исходя из этого, они

предложили формулу индекса обеспеченности продуктами питания (ИОП), которая рассчитывается посредством деления общего количества имеющихся животных на число людей и 36 условных овец. Например, если семья из четырех человек имеет 200 овец, то ее ИОП составит 1,39 (200:4:36). Если индекс больше 1, то хозяйство имеет достаточно ресурсов для существования (правда, если намного больше 1, то это грозит чрезмерной нагрузкой на пастбища), если индекс меньше 1, то хозяйство находится в кризисном состоянии, что либо требует привлечения дополнительных источников ресурсов (земледелие, охота, война и пр.), либо вынуждает вступать в обменные отношения с более обеспеченными скотовладельцами.

Используя данную формулу, можно, например, рассчитать ИОП для монгольского общества. Поскольку вычисленные Болдом 17,7 животного на 1 человека — это абсолютное поголовье животных, его необходимо перевести в условные овцы. Поскольку у кочевников Евразии 50—60% стада составляли овцы, 2/3 этого количества условно составлял мелкий рогатый скот (12 голов на 1 человека). Тогда крупный рогатый скот и лошади составляли около 6 голов на 1 человека.

Существуют различные варианты вычисления соотношения между различными видами домашнего скота. В свое время С. И. Руденко предложил эквивалент скота (300 условных овец или 25 лошадей на 1 человека), необходимого для самостоятельного проживания семьи из пяти человек. По его данным, одной лошади соответствует 6/5 голов рогатого скота, 6 овец или коз. В Монголии принята условная единица — *бодо*, которая равняется ½ верблюда, или одной лошади, или одной голове крупного рогатого скота, или семи овцам, или четырнадцати козам. Похожая система расчетов стоимостного соотношения разных видов скота была принята русской администрацией для Казахстана в XIX в. Исходя из этой системы, нетрудно подсчитать, что на 1 монгола приходилось около 50 (6 х 6 + 12) условных овец. Даже при всей относительности таких подсчетов очевидно, что количество скота у средневековых монголов превышало минимальный ИОП.

Структура питания средневековых монголов была традиционной для номадов евразийских степей. Пэн Дая и Сюй Тин свидетельствуют, что «они питаются мясом, а не хлебом. Они добывают на охоте зайцев, оленей, кабанов, сурков, диких баранов… дзеренов… и рыбу из рек (ее можно ловить после наступления морозов)». Нечто подобное сообщает Марко Поло: «Едят они мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс (т.е. тарбаганов. — *авт.*), много их на равнине и повсюду. Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко (кумыс)». Похожие сведения приводит Джувейни, который добавляет, что любимым лакомством монголов были кедровые орехи.

Все приведенные свидетельства требуют конкретизации. Излюбленным лакомством для монголов была баранина. Однако простые скотоводы и бедняки мясо мелкого рогатого скота ели нечасто. По

необходимости или в дорогу забивали мелкий рогатый скот. «Дома или вне дома (татары) пьют лишь кобылье молоко или режут овцу на продовольствие». Основными продуктами питания у большинства скотоводов были различные продукты из кобыльего молока, так называемая белая, чистая пища. «Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть, насколько только можно сильнее, и кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут, наливают сверху теплой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды» (*Рубрук*).

Кобылье молоко — кумыс (*айраг*) пьют «таким, словно как бы белое вино, и очень оно вкусно» (*Книга Марко Поло*). «Летом они заботятся только о кумысе (cosmos). Кумыс стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь… летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище» (*Рубрук*). «Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы, Зимою у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу» (*Плано Карпини*).

Крупный рогатый скот забивали в основном поздней осенью, когда он нагуляет жир и средняя атмосферная температура не превышает нулевую отметку, что дает возможность хранить мясо длительное время, до ранней весны включительно. В весенне-летний период, когда зимние запасы мяса заканчивались, а скот еще не нагулял жир, наступает пик употребления молочной пищи. Возможно, вследствие нехватки мяса некоторые малоимущие кочевники использовали в пищу павших животных: «Лошадей, издохших накануне, просто или даже от болезни, они охотно употребляют в пищу, вырезав только зараженное мясо» (*Рубрук*). Это подтверждается сравнительными историческими и этнографическими данными. «Если тогда доведется умереть у них быку и лошади, — свидетельствует Г. Рубрук, — они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли и не распространяют никакой вони. Из кишок лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму».

Лошадей забивали, как правило, только на очень больших

празднествах. «(Татары) не забивают лошадей, если не (устраивается) большой пир. (Мясо они) жарят на огне в девяти (случаях) их десяти, а в двух-трех (случаях) из десяти варят его в чане о трех ногах» (*Пэн Дая, Сюй Тин*). При этом конина и баранина относятся к так называемой горячей пище. «От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилочки, сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих» (Рубрук).

Поскольку белковой пищи простым и бедным скотоводам обычно не хватало, монголы пополняли ее посредством охоты. В «Сокровенном сказании» неоднократно упоминаются различные виды охоты у монголов: на диких копытных животных и водоплавающих птиц. Изысканным лакомством считался тарбаган, мясо которого монголы готовили, натолкав внутрь тушки раскаленные камни. На шкурки пушных животных (соболей и белок) можно было выменять нужные скотоводам товары и продукты земледельческого хозяйства.

Одним из любимых способов добывания пропитания и развлечения у кочевников была соколиная охота. Ею занимался легендарный Бодончар, а позднее и сам Чингис-хан. «У них есть в большом количестве соколы… всех их они носят на правой руке и надевают соколу на шею небольшой ремень, который висит у него до середины груди. При помощи этого ремня они наклоняют левой рукой голову и грудь сокола, когда выпускают его на добычу, чтобы он не получал встречных ударов от ветра или не уносился ввысь. И так охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания» (*Рубрук*).

Ранним кочевникам было известно и рыболовство. После смерти Есугэй-баатура его дети были вынуждены добывать себе пропитание этим непрестижным для номадов способом.

«На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку негожую притравливают,
Ленков да хайрюзов выуживают,
Невода ли сплетут, плотву неводят».

Когда Чингис-хана тяжело ранили и он был вынужден некоторое время скрываться, его нукеры пытались найти пропитание с помощью имевшейся у них рыболовной сети. Однако в общем сведений об этом виде хозяйства немного. В «Сокровенном сказании» упоминания о рыболовстве, если не считать известного конфликта между Темучжином и Бектером, закончившегося гибелью последнего, есть только в § 109, где речь идет о карательном набеге Ван-хана, Джамухи и Темучжина на меркитов. В этом

случае упоминается бассейн р. Селенги, где были экологические условия, способствовавшие ведению комплексного хозяйства. В целом рыболовство обычно считалось непрестижным занятием для кочевников и не получило значительного распространения среди номадов Монголии.

Ранним монголам было известно также собирательство. Однако оно считалось далеко не самым престижным занятием. В «Сокровенном сказании» (§ 74) красочно описывается, как растила своих сыновей оставшаяся без средств к существованию матушка Оэлун.

«Буденную шапочку покрепче приладит,
Поясом платье повыше подберет,
По Онон-реке вниз и вверх пробежит,
По зернышку с черемухи да яблонь-дичков сберет
И день и ночь своих деток пестует.
Смелой родилась наша мать — Учжин.
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корней накопает,
Корней судун да корней кичигина.
Черемухой да луком вскормленные
Доросли до ханского величия».

Что касается земледелия, то неверно полагать, что оно было неизвестно монголам. В «Сокровенном сказании» упоминается о просе, ступах и хлебных запасах у тех же меркитов. Вероятно, в местах их расселения были соответствующие условия для земледелия. Однако данный вид деятельности был возможен только там, где количество годовых атмосферных осадков не менее 400 мм или имелась разветвленная речная сеть. Большая часть территории Монголии таких условий не имела. Там лишь 2,3% земель были пригодны для земледелия. Только в период Монгольской империи были приняты беспрецедентные меры для развития земледельческого хозяйства, отчасти и среди самих монголов. Однако данные по более поздним периодам показывают, что политика насильственной седентеризации[2] кочевников обычно оказывалась неэффективной, в то время как основные факторы, поддерживающие номадизм, оставались неизменными. Любая радикальная политика интенсификации земледельческой экономики в среде скотоводов результативна только до тех пор, пока эта система поддерживается властью.

Монголы были кочевниками-скотоводами, они передвигались со своими стадами «с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища». Б. Я. Владимирцов предполагал, что сначала у монголов господствовало таборное кочевание, а с установлением феодализма они перешли к кочеванию отдельными айлами[3]. «Сборник летописей»

[2] Седентеризация — процесс превращения кочевников в оседлых жителей.
[3] Айл — минимальная монгольская община, группа из 5—10 семей.

подтверждает, что у ранних монголов существовало кочевание таборами, куренями: «В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно (располагалось) наподобие кольца, а его старейшина находился в середине (этого) круга подобно центральной точке; это и называли курень. И в настоящее время, когда вблизи находится вражеское войско, они (монголы) тоже располагаются в таком же виде для того, чтобы чужие не проникла внутрь» (*Рашид-ад-дин*). Однако многочисленные исторические и этнографические данные показывают, что куренная и аильная системы не исключали друг друга и не могут рассматриваться как стадии эволюции. Их бытование и преобладание в тот или иной период были опосредованы различными экологическими, социально-экономическими и политическими факторами.

В Монголии даже сейчас нет единой схемы перекочевок. Одни номады, например на Ононе, на зиму уходят в тихие предгорные долины или даже в горы, а летом спускаются в плодородные долины рек. Скотоводы Гобийского Алтая, наоборот, летом кочуют на горных пастбищах, а зимой перемещаются в предгорья. В Халха-Монголии известно не менее десятка различных вариантов моделей сезонного кочевания. Основная часть монголов перекочевывает в среднем 2—4 раза в год. Однако количество перекочевок и радиус кочевания существенно разнятся в зависимости от продуктивности пастбищ. В плодородных хангайских степях номады кочуют в пределах 2—15 км. В гобийских полупустынных районах радиус намного больше — от 50 до 70 км. Самые большие перекочевки — на 100—200 км — совершают монголы Убур-хангайского и Баян-хонгорского аймаков. Количество перекочевок в этих аймаках может достигать 50 и даже более.

В средние века передвижение монголов также было подчинено сезонным ритмам. «Зимой татары живут в равнинах и теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища», — свидетельствовал Марко Поло. Его сведения подтверждают другие исследователи. «Монголы с наступлением лета кочуют по высоким и прохладным местам, а к зиме перекочевывают в места более теплые, открытые в полдень, где легко можно доставать топливо и воду. По прошествии этих периодов они переходят с одного места на другое; сегодня идут, завтра стоят, останавливаясь там, где есть трава и вода. Таковы потребности и обычаи страны» (*Кафаров*).

В восточноевропейских степях, по Рубруку и Марко Поло, монголы использовали широтное кочевание. Зимой они спускались к югу, где было теплее, а летом перекочевывали туда, где было прохладнее, — на север. При этом существовали более или менее твердо установленные маршруты сезонных кочеваний. «Всякий начальник (*capitaneus*) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью» (*Рубрук*).

Сравнивая этнографические данные по поздним номадам, можно предположить, что пастбища распределялись по принципу первозахвата. Богатые скотовладельцы имели определенные преимущества, поскольку в составе их стада было больше лошадей и они могли быстрее перегнать табуны, чтобы занять более выгодные для выпаса участки.

Неприхотливый образ жизни, отсутствие недвижимого имущества и непритязательный набор личных вещей, разборное жилище, наличие транспортных средств и необходимое количество тягловых животных обеспечивали номадам мобильность. От холода и жары, от ветра, дождя и снега монголов защищала юрта — гениальное архитектурное изобретение кочевников. «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок, — пишет Плано Карпини. — Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, оттуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны тоже из войлока». Средняя юрта (без деревянных каркаса и пола) весит до 200 кг, ¾ веса приходится на войлок. Юрту можно поставить очень быстро — примерно за час. Войлочные покрытия служили до 5 лет. Деревянный каркас может использоваться до 20 лет.

Для большей мобильности монголы устанавливали юрты на специальные возки. «На повозках (устраиваются) комнаты, в которых можно сидеть и лежать. Их называют “повозками-шатрами”. В повозке по четырем углам втыкаются либо палки, либо же доски и соединяются накрест наверху» (*Пэн Дая, Сюй Тин*). В свою очередь, Марко Поло высоко отзывался о защитных свойствах монгольских возков: «Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей».

Наиболее полное описание «домов на колесах» монголов оставил Г. Рубрук: «Дом, в котором они спят, они ставят на колеса из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся вверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы. Ее они покрывают белым войлоком, чаще пропитывают войлок также известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда они берут черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или какой-либо другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину… Я насчитал у одной повозки двадцать два быка, тянущих дом, одиннадцать в один ряд вдоль ширины повозки и еще одиннадцать перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом,

погоняя быков».

Юрта ставилась выходом на юг. Внутреннее пространство делилось на мужскую и женскую половины. Это отмечалось многими очевидцами. Сидеть на мужской половине было наиболее почетно, самым почетным считалось место напротив входа. Обычно там сидели хозяин и самые важные гости. Там же располагались ханский трон и ложе. «Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону, — пишет Рубрук. — Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи: эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку».

2. Социальная организация

У монголов существовали различные формы семьи. Согласно данным «Юань ши», в 1236 г., когда создавалась система налогообложения китайских территорий, завоеватели хотели обложить налогом каждого взрослого мужчину. Для них это выглядело вполне логичным, поскольку у монголов «один совершеннолетний считается за дом» (*Бичурин*). Подобная характеристика, к сожалению, указывает только на социальный статус мужчины, но не на форму семьи. Для небогатых скотоводов, по-видимому, это была так называемая малая нуклеарная семья, состоящая из родителей и малолетних детей. Старшие сыновья при женитьбе получали свою долю скота и имущества. Младший сын оставался с родителями, чтобы заботиться о них в старости. Ему же впоследствии доставались родительская юрта, имущество и домашний скот.

Для более богатых монголов была характерна так называемая

расширенная полигамная (полигиническая) семья. «Всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать», — сообщает Марко Поло. Он же приводит сведения о левирате: «Умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; по смерти брата — на его жене». Эту информацию подтверждает Плано Карпини: «Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху» (*Плано Карпини*). Брак обязательно предполагал калым: «Никто не имеет там жены, если не купит ее; отсюда, раньше чем выйти замуж, девушки достигают иногда очень зрелого возраста. Ибо родители постоянно держат их, пока не продадут» (*Рубрук*).

В монгольском обществе существовало половозрастное разделение труда и гендерное доминирование. Плано Карпини писал: «Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины».

Эти сведения подтверждает Г. Рубрук: «Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, приготовлять шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье… Они делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их. Овец и коз они караулят сообща, и

доят иногда мужчины, иногда женщины». Об этом сообщают и другие источники. Как ни парадоксально, нечто подобное можно найти как в источниках по истории древних кочевников, так и в описаниях путешественников и этнографов-монголоведов нового и новейшего времени.

Из изложенного следует, что мужчины имели высокое социальное положение. Однако роль женщины в монгольском обществе не сводилась к положению домашней рабыни. «Женщины имели большее влияние и автономность, чем их сестры в соседних оседлых обществах. Среди политической элиты обычным было многоженство, но каждая жена имела собственную юрту. Было невозможно практиковать формы уединения, такие обычные во многих оседлых азиатских обществах. Повседневная жизнь требовала от женщин играть более публичную роль в экономической деятельности… Даже если формальная (официальная) структура была сильно родственной по отцовской линии, женщины также участвовали в племенной политике. Структуры взаимных союзов между кланами давали женщинам важную структурную роль, связывающую племена друг с другом» (*Barfield*). Особенно высокой могла быть роль старейшей женщины над сыновьями, как правило, после смерти ее мужа. Достаточно напомнить, какое влияние на сыновей имели Оэлун — жена Есугэй-баатура и мать Чингис-хана, Туракина — жена Угэдэя и мать Гуюка, Соркук-тани — жена Толуя и мать Мункэ.

С глубокой древности ремесло у монгольских кочевников имело домашний характер. Письменные источники сообщают, что у ухуаней «женщины умеют вышивать по коже, делать узорчатые вышивки, ткать шерстяные ткани; мужчины умеют делать луки, стрелы, седла и уздечки, ковать оружие из металла и железа». Средневековые монголы сами изготовляли «деревянные каркасы юрт, седла, уздечки, путы, волосяные веревки и другие предметы, необходимые в быту скотоводства, кувшины, ведра, корыта, ложки, бурдюки для кумыса и другую столовую и кухонную посуду, луки и стрелы, ножи, копья, щиты и другие предметы вооружения» (*Далай*). То же самое свидетельствует М. Меховский о средневековых татарах восточноевропейских степей. Ситуация эта не изменилась включительно до рубежа новейшего времени.

Разумеется, было бы неправильно отрицать наличие у кочевников развитого ремесла. Этнографические исследования показывают, что изделия их мастеров имели высокий художественный уровень. Однако в сравнении с оседлыми земледельцами ремесло кочевников-скотоводов не стало специализированным. По словам И. М. Майского, побывавшего в 1918 г. в Монголии, каждая юрта являлась самостоятельной мастерской, но ремесленная специализация не имела сколько-нибудь четких рамок. «Кое-где в стране… имелись столяры, плотники, кузнецы, ювелиры, сапожники и т.д. Однако ремесленное производство было настолько слабым, что о его народнохозяйственном значении говорить трудно. Чрезвычайно характерно, что монгольский ремесленник обычно бывал мастером на все руки: он и

плотник, и кузнец, и башмачник». К такому же выводу пришел Л. Б. Алаев, который провел крупномасштабное сравнительно-типологическое исследование средневековых обществ Востока: «По степени развития ремесла среди шести регионов кочевники находятся на последнем месте». Не будем также забывать, что детство и отрочество Темучжина прошло далеко от мест, куда с большим трудом доходили высококачественные ремесленные изделия из Северного Китая. Далеко не случайно Джувэйни указывает на бедность ранних монголов, свидетельством чего, по его мнению, являлось отсутствие металлических стремян у большинства соплеменников будущего Завоевателя Мира. Ими обладали только знатные лица.

При более высоких уровнях социальной организации большинство номадов Евразии обычно не кочевали отдельными семьями. Минимальной общиной была группа из 5—10 семей (*айл*).

При необходимости номады могли объединяться в более крупные группы, но с экологической точки зрения это было нецелесообразно — резко возрастала нагрузка на пастбища.

3. Хамаг Монгол улус

Наиболее обстоятельно проблема интерпретации политической системы монгольских улусов XI—XII вв. была рассмотрена Е. И. Кычановым. С середины 70-х годов XX в. он развивал концепцию особой формы государственности у народов, населявших территорию к северу от китайской цивилизации. Аргументация автора сводится к следующему: в улусах существовало социальное расслоение, деление на знатных и бедных, имелся институт рабства; улусы могли иметь разноэтничный состав; они возглавлялись ханом, у которого были нукеры, ставка и администрация улуса, власть передавалась по наследству; в улусах действовали нормы обычного права. «Это была власть, стоявшая над народом, отражавшая интересы господствующего класса, власть публичная, воплощенная в государственном механизме определенного устройства», — резюмирует исследователь. Более того, Кычанов полагает, что «татаро-монгольский улус XII в. в этом мало отличался от улуса Чингис-хана 1206 г. Мы присоединяемся к сторонникам той точки зрения, в соответствии с которой улусы татаро-монголов XII в. — образования государственного характера с единой военно-административной властью».

С этим согласиться трудно прежде всего потому, что не существовало единого монгольского улуса в форме государства, хотя бы даже первоначального. В улусах не имелось института, способного сохранять целостность образования и обладавшего средствами принуждения. После смерти Есугэя его люди убегали к тайчжиутам, и их возвращение не могли обеспечить ни Чарах-эбугэн, направленный к ним для уговоров, ни Оэлун,

совершивший военный подход с целью захвата сбежавших. Поэтому со смертью сильного лидера его объединение, как правило, распадалось. Случай с тайчжиутами не единственный, можно напомнить также, что после известия о смерти Амбагай-хана состоявший в союзе с ним Хадан-тайши ушел к кереитскому Гурхану, дяде Ван-хана, т.е. даже не к монголам.

О том, что улус — это не государство монголов XI—XШ вв., свидетельствует и следующее словосочетание: olon mongqol ulus, где первое слово означает «много». Конечно, речь не идет о множестве монгольских государств.

Е. И. Кычанов совершенно правильно характеризует типичные черты общественного строя монгольских улусов XI—XIII вв. Действительно, там было социальное неравенство, разноэтничный состав, наследственная власть и т.д. Однако все перечисленные характеристики прекрасно подходят и для вождества. Как говорилось выше, под вождеством принято понимать такой тип социально-политической организации, который имеет следующие признаки: социальный организм, состоящий из группы общинных групп; иерархически они подчинены центральной, как правило, наиболее крупной из них, в которой проживает правитель (вождь); опираясь на зачаточные органы власти, вождь организует экономическую, редистрибутивную, судебно-медиативную и религиозно-культовую деятельность общества.

Современные представления об основных характеристиках вождества базируются на гигантском количестве этнографического материала, собранного исследователями практически по всему земному шару (за исключением, пожалуй, Европы). Если суммировать различные точки зрения на сущность вождества, выдвигавшиеся в разные годы исследователями, можно выделить следующие основные его признаки:

— политическая иерархия и централизация, наличие центра и зависимых от него групп (общин, племен и т.д.);

— социальная стратификация, ограниченный доступ к ключевым ресурсам, наличие тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие;

— численность населения в несколько тысяч и десятков тысяч;

— перераспределение прибавочного продукта по вертикали (редистрибуция);

— отсутствие узаконенной власти, обладающей монополией на применение силы;

— общая идеология и/или общие культы и ритуалы;

— сакральный характер власти, иногда теократия.

С этой точки зрения не только Хамаг Монгол улус, но и другие улусы монголов XI — начала XIII в. вполне отвечают признакам вождества. Налицо неравенство (еще Бодончар образно говорил: «§ 33. Добро человеку быть с головой, а шубе — с воротником») и социальная стратификация. Генеалогическое неравенство у монголов, передача власти вождей по

наследству подробно описаны в «Сборнике сказаний». В обществе действовали нормы традиционного права. Можно даже согласиться с мнением Е. И. Кычанова в том, что власть ханов не отражала интересы народа. А какая власть отражает его интересы? Н. Макиавелли в своем трактате «Государь» прекрасно показал, что любая власть имеет внеморальный характер, существует ради себя самой. Однако при этом властвующая элита, если она хочет сохранить свои позиции, должна действовать не на разрушение общества, а способствовать сохранению его единства. В этом случае интересы власти могут совпадать с интересами тех или иных социальных групп, в том числе широких народных масс. Все это полностью применимо к обществам кочевников-скотоводов. В свое время, говоря о степном хане, В. В. Радлов совершенно правильно отметил: «Чем больше выгод доставляет он своим подданным, тем самостоятельнее становится и его власть и тем значительнее собирается вокруг него государство».

Наша точка зрения отличается от позиции Е.И.Кычанова только тем, что мы не считаем данную политическую систему государством. Государство предполагает наличие особого аппарата управления. Поскольку вожди не имели в своем распоряжении специализированных институтов принуждения (бюрократия, армия, полиция), их власть основывалась на той пользе, которую они приносили обществу, механизмах перераспределения и идеологическом воздействии. Это универсальное правило, справедливое как в отношении оседло-земледельческих, так и кочевых обществ. В интерпретации Рашид-ад-дина, Чингис-хан выглядит как типичный степной хан, щедрый для своих соплеменников и грозный для врагов. Он описывает случай, когда джурьяты, ласково принятые Темучжином, распространили среди степных племен мнение о его благородстве и доброте. В результате внутри джурьятов произошел раскол, часть из них и некоторые представители иных групп перешли на сторону Темучжина. В «Джамит ат-таварих» записаны слова клятвы, которую дали обе стороны. «Мы остались подобно безмужним женам, табуну без хозяина, стаду без пастуха! Сыновья, происходящие от великих жен, нас истребляют и разоряют! Мы все будем вместе биться мечом во (имя) твоей дружбы и перебьем твоих врагов!»— заявил Улук-бахадур. «Я был подобен спящему, ты меня дернул за мой чуб и разбудил меня. Я сидел (неподвижно), ты извлек (меня) из тягот моих (и) поставил (на ноги). Я выполню все, что только будет возможным, ради взятого (мною) на себя обязательства в отношении вас!» — отвечал ему Тумучжин (*Рашид-ад-дин*). Похожие обязательства сторон приведены в «Сокровенном сказании» (§ 123) при описании эпизода, когда Темучжин был провозглашен ханом.

Нечто подобное было выбито на знаменитой стеле Кюльтегина: «Я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел (без дела) днем… Я поднял (т.е. призвал к жизни) готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой

народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ». Тюргешский хан Сулу (начало VHI в.) «хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным: почему роды были довольны и служили ему всеми силами… В поздние годы он почувствовал скудность; посему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отделяться от него» (*Бичурин*).

Здесь необходимо сделать одно важное уточнение, которое имеет особое значение в отношении кочевых обществ. Было бы ошибкой отождествлять сильную личную власть вождя с существованием государства. Известно немало случаев, когда правители вождеств могли карать своих подданных, а некоторые из них выступали как единовластные самодержцы. Однако хорошо известно и противоположное. Если вождь не прислушивался к советам старейшин, пытался нарушить традиции, табу, сильно притеснял своих подданных и совершал убийства, то его могли заменить. Как правило, простые общинники признавали права своих вождей на некоторую долю произведенного продукта в рамках традиционных норм, однако настаивали на соблюдении «справедливости» в подобных отношениях. Если же вожди и их люди злоупотребляли своим положением, это могло вызвать возмущение. Поскольку вожди не имели специализированного аппарата принуждения, их положение в такой ситуации было незавидным. Поэтому принято считать, что правители вождеств обладали лишь «консенсуальной властью», т.е. авторитетом. В государстве правительство может прибегать к легитимизированному насилию, опираясь на особый аппарат принуждения.

Довольно часто вождества не представляли собой устойчивых политических и общественных систем. В ранних вождествах правитель мог сохранять ненаследственный, личностный характер власти, ее стабильность зависела от успешности политической и военной деятельности, харизмы лидера. В более поздних и сложно стратифицированных вождествах верховные функции распределялись среди членов правящего клана, вырабатывались механизмы их передачи, хотя это не исключало междоусобных конфликтов. Но как в ранних, так и в поздних вождествах авторитет поддерживался с помощью престижной экономики, раздачи материальных и морально значимых ресурсов.

В связи с этим можно напомнить обстоятельства, сопутствовавшие смерти Есугэя. Стоило ему отойти в мир иной, как его вчерашние соратники откочевали от его семьи: «Глубокое озеро уже пересохло; крепкие камни уже раздробились» (*Бичурин*).

Несколько более ясно позволяет понять, что же представляли собой монгольские улусы XI—ХП вв., «Сокровенное сказание». В § 124 подробно описываются различные обязанности, которые были возложены на нукеров молодого Темучжина. Круг его сподвижников состоял всего из 26 человек, 12 из них выполняли военные обязанности. Четыре человека были назначены

«лучниками», еще четверо — «мечниками», которые параллельно выполняли полицейско-карательные функции; третья четверка получила назначения «разведчиками» и «гонцами». Другой группе дружинников (11 человек) были доверены хозяйственные обязанности. Трое были назначены заведовать ханским столом. Еще троим поручили следить за выпасом лошадей, а одному — за овцами. Еще два человека выполняли обязанности конюших, один руководил слугами и домашними рабами, и еще один — перекочевкой ханской ставки. Во главе этих «органов управления» стояла тройка ближайших сподвижников Чингис-хана— Боорчу, Чжэльмэ и Субутай.

Основываясь на подобном распределении обязанностей, а также с учетом различных иллюстраций повседневной жизни номадов, которые предоставляет героический эпос степных народов, В. В. Трепавлов предполагает, что сподвижникам предводителя степной конфедерации могли быть поручены: охрана вождя/хана и его родственников, находившихся в ставке; выпас стад правителя; организация жизни в ставке (питание правителя, его быт и развлечения, подготовка и проведение периодических совещаний, встреча и размещение гостей, организация сезонных перекочевок лагеря и охоты). Еще одна функция, которую упоминает Трепавлов вне данного перечисления, — помощь хану в организации управления полнтией (гонцы, послы и т.д.). При этом было бы неправильно интерпретировать такие отношения как легитимизированный политический институт. За нукерами не закреплялись определенные функции, они выполняли их по необходимости.

Для подобного управления больше подходят характеристики традиционного господства по М. Веберу. Отношения между правителем и его помощниками строились не на служебном долге и деловой компетенции, а на личной преданности. Господин рассматривает управление как свою личную функцию и использует имеющуюся у него власть в соответствии с собственными стремлениями и интересами. Сколько-нибудь существенное разделение компетентных обязанностей между чиновниками отсутствует. «На месте твердой деловой компетенции, — утверждает М. Вебер, — стоит конкуренция первоначально даваемых господином по свободному усмотрению, затем становящихся долгосрочными, наконец, часто стереотипизированных поручений и полномочий, которыми создается конкуренция за причитающиеся шансы на оплату приложенных усилий как порученцев, так и самих господ». Господство в традиционном обществе базируется не на формальном выполнении свода легитимизированных и предписанных всем без исключения законов и правил, а, во-первых, на традиционных правовых нормах и, во-вторых, на личных решениях самого господина или облаченных этими обязанностями его приближенных. Причем «лично присутствующий господин выше всякой законности», он не связан никакими формальными предписаниями.

4. Предпосылки создания империи

Причина образования Империи Чингис-хана — самый интригующий вопрос монгольской истории. Представляется целесообразным рассмотреть его через призму современных концепций политогенеза. С этой точки зрения возникновение ранней государственности и ее аналогов зависит от многих внутренних и внешних факторов, к числу которых наиболее часто относят экологические условия, производящее (как правило) хозяйство, демографический фактор, используемую технологию, ирригацию, войны, завоевания и внешнее давление, культурное влияние, внешнюю торговлю, кастовую эндогамию и др. Ни один из перечисленных выше факторов не является универсальным. В настоящее время большинство историков, антропологов и археологов признают, что возникновение государственности является сложным многовариантным процессом, зависимым от многочисленных и разнообразных переменных.

Попытаемся рассмотреть роль наиболее значимых факторов политогенеза из приведенного перечня применительно к монгольской истории. Одна из достаточно популярных концепций связывает возникновение Империи Чингис-хана с глобальными изменениями климата. Идея о том, что усыхание степи повлияло на нашествие кочевников, высказывалась еще на рубеже XIX—XX вв. многими мыслителями, в частности такими известными исследователями, как Э. Хантингтон и М. А. Боголепов. Впоследствии ее активными сторонниками были А. Тойнби и Г. Г. Грумм-Гржимайло. Схожего мнения придерживался Л. Н. Гумилев, который, правда, полагал, что причиной является не усыхание, а увлажнение степей. Голодным кочевникам на тощих конях, полагал он, не под силу вести опустошительные войны против земледельческих цивилизаций. Эти идеи высказывались им с середины 60-х годов XX в. и были развиты им в достаточно стройную концепцию. Однако, несмотря на стройные схемы, предложенные Л. Н. Гумилевым, современные палеогеографические данные не позволяют сделать однозначный вывод о жесткой корреляции между ритмами увлажнения/усыхания и периодами расцвета/упадка обществ кочевников. Достаточно сопоставить схемы из серии наиболее популярных статей Гумилева о гетерохронности увлажнения в древности и средневековье со сводными таблицами наиболее полных современных данных по ритмам влажности в различных частях евразийского континента, чтобы убедиться в том, что империя номадов могла возникнуть как в период увлажнения, так и в период усыхания степей. Единственный бесспорный факт, это то, что существование двух наиболее крупных по размерам кочевых империй (Тюркский каганат и Монгольский улус) приходилось на период максимального увлажнения степей Внутренней Азии.

Другая точка зрения связывает генезис Монгольской империи с

глобальным похолоданием. Существует мнение, что в 1175—1260 гг. наблюдалось резкое понижение температуры на территории Монголии и в ряде других регионов мира. Это, по мнению Г. Дженкинса, могло быть причиной объединения монголов. Действительно, теоретически возможна определенная связь динамики развития цивилизаций с глобальными температурными ритмами: «По-видимому, глобальные потепления в целом по планете приводили к увеличению демографической емкости территорий (улучшая условия выживания при неизменных способах природопользования), что влекло за собой увеличение плотности населения. При похолоданиях, напротив, возникала относительная перенаселенность (повышенная демографическая нагрузка на территорию вследствие уменьшения продовольственной базы из-за снижения урожайности выращиваемых сельскохозяйственных культур), приводившая к массовым миграциям, социальным катаклизмам, войнам с последующим снижением плотности населения» (*Малков С.Ю.*).

Однако реальный исторический процесс подвержен более сложным флуктуациям. Сопоставление температурных кривых с данными экономической и политической истории аграрных цивилизаций также показывает отсутствие жестких корреляций. Расцвет одних цивилизаций приходился на периоды максимального потепления, другие достигали подъема в периоды похолодания. Кроме того, ученые далеко не всегда имеют общее мнение относительно датировки того или иного периода похолодания/потепления. Согласно устоявшемуся мнению, XIII век, время создания Империи Чингис-хана и период господства монголов в Евразии, был пиком понижения атмосферной температуры. Однако по другим данным, период 1120—1280 гг. пришелся на так называемый средневековый максимум среднегодовой температуры и солнечной активности.

После средневекового максимума солнечная деятельность снизилась, и наступило похолодание (так называемый Spoerer Minimum пришелся на 1400—1510 гг.). Считается, что весь XIV век был достаточно холодным. По этому поводу между исследователями особых разногласий нет. Выводы климатологов подтверждают письменные источники. Изучение японских летописей показало, что время цветения сакуры в XIV столетии приходилось приблизительно на 18 апреля. Это на 11 дней позднее, чем в XX в. Однако на это столетие пришлась вторая половина существования в Китае династии Юань, ее гибель, а также начальный этап правления династии Мин. Поэтому было бы опасно интерпретировать конкретные политические события исходя только из температурных данных. Колебания температуры обычно охватывают более продолжительный период, чем жизнь отдельной степной политии.

Пытаясь выявить связь между климатическими показателями и активностью номадов, китайские исследователи проделали в исторических хрониках скрупулезную работу по систематизации сведений о природных

катаклизмах, миграциях и набегах кочевников, изменениях условной границы между степью и Китаем с 100 г. до н.э. до начала XVIII в. (*Fang, Liu*). Анализ таблиц, приведенных китайскими авторами, показывает, что есть четкая корреляция между снижением среднегодовых температур на один градус, увеличением случаев наводнений, песчаных бурь и т.д., с одной стороны, и возрастанием миграций и набегов кочевников — с другой. Однако не совсем понятно, чем непосредственно была обусловлена активизация военной деятельности номадов. Это могло быть вызвано как ухудшением условий существования скотоводов, так и сокращением поставок ремесленно-земледельческой продукции из-за кризиса в Китае. Такие причины могли действовать и параллельно.

Более важным представляется другое обстоятельство, которое не заметили китайские исследователи. Активная военная деятельность номадов не стала причиной создания крупных империй кочевников. Как раз наоборот, в периоды похолодания номады перемещались ближе к Китаю и создавали на севере его территории либо небольшие буферные государства (IV—V вв.), либо большие империи со смешанной земледельческо-скотоводческой экономикой. Можно также предположить, что средневековый маньчжурский «выплеск» на юг был обусловлен тем, что с X в. ядро китайской мир-системы постепенно сместилось в Южный Китай. Это привело к смешению зуда же товарных потоков, поэтому центрально-азиатские кочевники и их маньчжурские соседи (киданн, чжурчжэни) были вынуждены создать государства в Северном Китае.

Время существования типичных средневековых кочевых империй (тюрков, уйгуров) пришлось как раз на время потепления (550—1100 гг.). Данные о природных катастрофах в древности, возможно, недостаточно полны, но можно предположить, что существование хуннской и сяньбийской империй также не связано с масштабными климатическими стрессами. Однако возникновение монгольской державы, по мнению и этих авторов, пришлось на время резкого похолодания. В целом же крупномасштабные изменения среднегодовой температуры не оказали существенного влияния на динамику кочевых империй и доиндустриальные макроэкономические тренды. Фазы подъема и упадка крупных мировых цивилизаций не соотносятся напрямую с глобальными природно-климатическими изменениями. По всей видимости, существовала более тонкая причинно-следственная связь между различными факторами.

При интерпретации конкретных политических событий представляется более оправданным учитывать не только крупномасштабные климатические изменения, но и катаклизмы локального характера — засухи, наводнения, землетрясения, эпизоотии и др. У пас мало данных применительно к рассматриваемому периоду, но известно, что первые годы XIII в. совпали с резким похолоданием во всем мире. Однако зимы 1200, 1213 и 1216 гг. были в Китае сравнительно теплыми. В этом случае нет никаких данных о

монгольских степях. Можно говорить только об экономическом кризисе Цзиньской династии, поскольку в источниках постоянно встречаются упоминания о неурожайных годах в этот период. В 1180 г. в Шаньдуни «жители мэнань и моукэ из тщеславия вдались в роскошь и не стараются о земледелии». В 1192 г. «в сии годы по всем губерниям было много неурожаев», поэтому много запасов хлеба было роздано простому народу из государственных запасов. В 1198 г. кочевниками было совершено много набегов на империю Цзинь и «земледельцы доведены до крайней бедности».

Не совсем ясна и роль демографического фактора в средневековой монгольской истории, хотя кросскультурные исследования показывают наличие достаточно прочной корреляции между плотностью населения и степенью политической централизации. Однако возникает вопрос, когда конкретно наступает пороговый предел демографической плотности, ведущий к перестройке механизмов управления обществом. Для номадов более характерна такая плотность населения, которая у земледельцев чаще встречается в доиерархических типах общества и вождествах разной степени сложности. Тем не менее общая численность монгольских кочевников в эпоху средневековья была более типична для общества с государственностью, чем для вождества. Существует мнение, что в период господства чжурчжэней в Северном Китае монголы столкнулись с проблемой перенаселения. Однако, к сожалению, прямых данных на этот счет нет. Необходимо также иметь в виду мнение палеоэкологов, согласно которому примерно на первое десятилетие XIII в. пришлось начало масштабной пастбищной дигрессии в монгольских степях. К тому же нельзя забывать о том, что номады могли без больших последствий для собственной экономики мобилизовать в армию более половины взрослых мужчин, что увеличивало их военную силу и способность подчинять своих оседлых соседей.

Во многих теориях происхождения государства проводится прямая параллель между ростом численности населения и увеличением количества войн. Впрочем, было бы неверным игнорировать данные (Юго-Западный Иран, Корейский полуостров), согласно которым политогенез сопровождался не увеличением, а уменьшением плотности населения. Кросскультурные и клиометрические исследования последнего времени свидетельствуют, что прямая корреляция между плотностью населения и частотой военной активности отсутствует, однако более изощренные модели фиксируют опосредованную, но достаточно устойчивую связь. Во-первых, следует иметь в виду, что зависимость имела не прямой, а динамический характер с определенной пошаговой задержкой. Применительно к кочевникам монгольских степей необходимо учитывать еще одну переменную, которая усложняла зависимость, поскольку увеличение поголовья скота происходило быстрее роста народонаселения и, как правило, приводило к разрушению травостоя и кризису экосистемы в целом.

В связи с этим важно напомнить, что только земледелие обеспечивало

прочную экономическую основу для возникновения государственности. Этот тезис был подвергнут проверке А. В. Коротаевым. Его исследование, основанное на этнографической базе данных Дж. Мёрдока, показало, что среди обществ, достигших уровня государственности, не оказалось ни одного с присваивающим типом экономики и ни одного пасторального. Можно отметить тесную корреляцию типа хозяйства (земледелие), плотности населения, размеров общины с развитием внутренней стратификации и политической централизации.

Чем это было обусловлено? Существенный фактор, который влиял на адаптивные способности общества в эволюционном процессе, — способность общества запасать и хранить большое количество продовольствия. Было отмечено, что наличие технологии хранения запасов, позволявшей справиться с периодическими голодовками, имело важные структурные последствия для стратификации и формирования постоянных органов управления. Кросскультуриые исследования показывают, что если общества с производящим хозяйством умеют запасать продовольствие впрок, то они быстрее достигают внутренней стратификации и обладают более развитой политической системой управления. Такой вывод представляется вполне обоснованным. Системный подход позволяет сделать вывод, что повышение жизнеспособности любого общества зависит от того, насколько максимально оно способно получать энергию из внешней среды, хранить ее и предельно полезно расходовать.

Все это неприменимо к монгольским номадам. Кочевое скотоводство отличается значительной нестабильностью, сильно зависит от природно-климатических колебаний. По этому признаку древние, средневековые и более поздние номады не особенно разнятся. Вырисовывается тенденция, согласно которой у кочевников примерно каждые 10—12 лет вследствие морозов, снежных бурь, засух и т.д. случался массовый падеж скота, гибло до половины поголовья. На его восстановление требовалось примерно 10—13 лет. Исходя из этого можно предположить, что численность скота после освоения экологической зоны теоретически должна была циклически колебаться около определенной отметки. Стадо то увеличивалось в результате благоприятных условий, то сокращалось вследствие неблагоприятных факторов.

Кочевое скотоводство не могло обеспечить стабильных излишков продуктов, чтобы содержать большие группы лиц, не участвующих в производстве пищи, — правящую элиту, чиновников, воинов, жрецов и др. По этой причине можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что с экологической точки зрения кочевники не нуждались в государстве. Скот нельзя было накапливать до бесконечности, его максимальное количество детерминировалось продуктивностью степного ландшафта. К тому же независимо от знатности скотовладельца его стада могли быть уничтожены вследствие джута, засухи или эпизоотий. Поэтому

его было выгоднее передавать на выпас малообеспеченным сородичам или раздавать в виде «подарков», повышая тем самым свой социальный статус.

Таким образом, вся производственная деятельность скотоводов осуществлялась внутри семейно-родственных и линиджных групп лишь при эпизодической необходимости трудовой кооперации сегментов подплеменного и племенного уровня. В силу этого власть предводителей степных обществ не могла достичь формализованного уровня на основе регулярного налогообложения скотоводов, а элита была вынуждена довольствоваться «подарками» и нерегулярными подношениями. К тому же значительное притеснение мобильных скотоводов со стороны племенного вождя или другого лица, претендующего на личную власть, могло привести к массовой откочевке.

Так как же и по какой причине возникали империи кочевников? Выдающийся американский социоантрополог О. Латтимор, долго проживший среди скотоводов Монголии, писал, что номад вполне мог обойтись только животноводческими продуктами, но чистый кочевник — бедный кочевник. Для того чтобы вести более комфортное существование, номадам нужна была пища земледельцев, богатая протеином, они нуждались в изделиях ремесленников — шелке, оружии, изысканных украшениях для своих вождей, их жен и наложниц. Н. Ди Космо полагает, что теория зависимости кочевников от внешнего мира ошибочна по своей сути, поскольку кочевники в той или иной степени занимались земледелием. Не отрицая этого факта, необходимо заметить, что развивать земледельческий сектор внутри степного общества в значительных масштабах было невозможно, поскольку большая часть территории Монголии не пригодна для подобных занятий. К тому же сами кочевники относились к земледельческому труду и оседлой жизни с презрением. Чаще они предпочитали перекладывать земледельческую деятельность на мигрантов или пленников. Однако производимая пленниками продукция в целом была незначительна и не могла обеспечить потребности всего степного общества.

Недостающие продукты земледелия и изделия ремесленников можно было получать от соседних оседло-земледельческих цивилизаций или другими способами: торговлей, грабежом, чередованием набегов и поборов, данничеством, непосредственной экспансией и переселением в завоеванную страну. Кочевники использовали все перечисленные варианты. В одних случаях, когда чувствовали свое превосходство или неуязвимость, они без раздумий организовывали набег. В других ситуациях, например, когда соседом было могущественное государство, скотоводы предпочитали вести с ним мирную торговлю. Однако нередко сами правители оседлых обществ препятствовали свободной торговле между номадами и земледельцами, так как она выходила из-под налогового контроля. И тогда кочевникам приходилось отстаивать право на торговлю вооруженным путем, что было распространенной для различных регионов и эпох закономерностью.

Относительно способов решения вопросов экономической нестабильности степных обществ — мирных или военных — существует большое количество разных точек зрения. Виновниками конфликтов могли быть как номады, так и их оседлые соседи. С одной стороны, при природных катаклизмах война могла быть для них единственно возможным методом преодоления внутреннего кризиса. С другой стороны, земледельцы экономически были более сбалансированными, поэтому они не очень стремились к установлению тесных связей с воинственными соседями. Хорошо известны отношения между чжурчжэнями (цзиньцами) и северными кочевниками. Цзиньцы старались вести традиционную для китайских династий политику автаркии. Еще с конца 30-х годов XII в. началось строительство пограничных укреплений в Тайчжоу общей протяженностью 1,5 тыс. км. Эти укрепления состояли из системы насыпных глиняных валов и рва перед ним, пограничных фортов и крепостей, в которых размещались гарнизоны солдат. Тем не менее, для того чтобы периодически «выпускать пар» на границе, цзиньцам приходилось открывать приграничные рынки для торговли с монголами и татарами.

В отличие от традиционных китайских династий чжурчжэни (как и позднее маньчжуры) обладали сильной, хорошо вооруженной и мобильной армией. Поэтому они могли проводить не только пассивную политику обороны от кочевников, но и наносить превентивные удары по степнякам. В 60—80-е годы XII столетия чжурчжэньские императоры проводили целенаправленную политику уничтожения монголов. «Каждые три года посылались войска на север для истребления и уничтожения (татар), и это назвали “сокращением совершеннолетних”… в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские (дети), купленные и превращенные в маленьких рабов, — все они были захвачены и приведены войсками» (*Мэн-да бэй-лу*).

Следует напомнить, что в этот период попал в плен и был казнен как простой преступник один из предводителей монгольской конфедерации Амбагай-хаган. Перед смертью хаган потребовал от родственников и соплеменников отмщения: «§ 53. Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет». По данным «Сборника летописей», акт возмездия состоялся — монголы поживились награбленной добычей. Однако проявленное чжурчжэньским императором коварство не стало основанием для тотального противостояния с кочевниками монгольских степей. Они участвовали в совместных военных кампаниях, вожди степняков (Тоорил и Чингис-хан) получали чжурчжэньские титулы, приезжали на границу для обмена подарками.

После 1190 г., вслед за вступлением на цзиньский престол Чжан-цзуна давление на степь ослабло. Начались обратные откочевки монголов и татар в степь, а также увеличилось население номадов. Чтобы воспрепятствовать

этому, чжурчжэни стали восстанавливать систему оборонительных укреплений на границе.

Однако не следует недооценивать милитаризированный характер обществ кочевников. Еще Геродот дал яркое описание этой стороны их жизни. Он писал, что скифы и подобные им варварские народы «меньше всех ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело». «Как же такому народу не быть непобедимым и неприступным?» — вопрошает он. Подобные высказывания можно найти и в отношении других номадов древности, средневековья и даже более позднего времени. Нечто подобное находили в записях китайских авторов и о монголах: «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы (они) каждый день гонятся и охотятся. (Это) и есть их средство к существованию. Поэтому (у них) нет пеших солдат, а все — конные воины» (*Мэн-да бэй-лу*).

Применительно к рассматриваемому нами времени нельзя не вспомнить также знаменитую сентенцию Чингис-хана: «Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, (в том, чтобы) сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, (в том, чтобы) превратить животы его прекрасных супруг в новое платье для сна и подстилку, смотреть на их розовоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!» (*Рашид-ад-дин*)

Естественно, для успешного ведения войн кочевникам была необходима мощная военная организация. Исследователям удалось подметить интересное обстоятельство: степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С мир-системной точки зрения кочевники всегда составляли полупериферию, которая объединяла на едином пространстве различные региональные экономики. В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой полупериферии была прямо пропорциональна размерам ядра. Именно поэтому кочевники Северной Африки и Передней Азии, чтобы торговать с жителями оазисов или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества, номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали квазиимперские государствоподобные структуры, а во Внутренней Азии, например, таким средством адаптации стала кочевая империя. По аналогии с законом Ньютона, исходя из этого можно вывести мир-системный закон тяготения, согласно которому величина кочевых обществ и их могущество прямо пропорциональны размерам и силе оседло-земледельческих обществ, входящих с номадами в общую региональную систему.

В главе первой уже упоминалась модель синхронных ритмов роста и упадка китайских династий и империй кочевников Т. Барфилда. Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия, Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй и Тан. Аналогичным образом, по мнению Барфилда, и степь, и Китай вступали в анархию в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге.

Однако модель Барфилда неприменима к монгольской истории, поскольку создание Империи Чингис-хана пришлось не на период подъема, а на годы кризиса чжурчжэньской государственности. Барфилд интерпретирует данное обстоятельство следующим образом: «Победа Чингис-хана демонстрирует, что модель, которую мы представили, является вероятностной, а не детерминистской. Всегда существовали племенные вожди типа Чингис-хана во времена беспорядка, но их шансы на объединение степи против определенной оппозиции (врага) из учрежденных маньчжурских государств, которые черпали богатства Китая, были низкими… Монголия не была объединена со времени падений уйгуров более, чем три столетия назад, и монголы были одним из наиболее слабых племен в степи».

С этой точки зрения можно признать, что модель создания степной империи Н. Ди Космо, одного из наиболее последовательных критиков Барфилда, более эвристична для интерпретации истории средневековых монголов. Предпосылкой создания степной империи, по его мнению, является структурный кризис общества номадов. Его красочно описывает анонимный создатель «Сокровенного сказания»: «§ 254. Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда».

Первым шагом по выходу из кризиса является милитаризация, следствием которой было создание военно-иерархической структуры степного общества. Чингис, провозглашенный ханом, с течением времени создает дружину, вводит десятичную систему. Милитаризация параллельно дополняется появлением харизматического лидера и его сакральной легитимизацией в качестве правителя. Иносказательно это отражено в знаменитом пророчестве Хорчи: «§ 121. Небо с землей сговорились, нарекли Темучжима царем царства, Пусть, говорит, возьмет в управление царство!» Все это приводит к концентрации им власти, а затем посредством организации экспансии и получения доходов создаются условия для создания государственности.

Свою модель Ди Космо разработал на примере хуннского шаньюя Модэ, но она вполне соответствует монгольской истории на рубеже XII—XIII вв. При этом необходимо заметить, что непосредственными причинами создания кочевых империй могли быть разные факторы. В одном случае именно объединение Китая в единую централизованную династию могло стимулировать складывание кочевой империи во Внутренней Азии (Хуннская держава, Тюркский каганат), с тем чтобы организовать набеги или осуществлять вымогание «подарков». Добавим, что при неблагоприятном стечении обстоятельств степная империя могла и не возникнуть, В других случаях именно структурный кризис китайской династии мог стать стимулом для создания коалиции племен и вождеств кочевников, с тем чтобы обеспечить бесперебойный приток товаров престижного потребления из Китая. Однако и в первом, и во втором варианте главной причиной создания надплеменных конфедераций являлась необходимость адаптации кочевников к внешнему оссдло-земледельческому миру.

По этой причине мы не отвергаем точку зрения Т. Барфилда о существовании определенной корреляции между периодами расцвета и упадка кочевых империй Внутренней Азии и демографическими циклами китайских династий. Такая корреляция характера для древних (ханьский цикл) и раннесредневековых (танский цикл) династий. В то же время нельзя отрицать, что важную роль в создании кочевых империй играл личностный фактор. Одно не исключает другое. Полагаем, что можно выделить четыре варианта образования империй кочевников.

Первый вариант (монгольский) представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного номадного этноса в централизованную империю. Как правило, это было обусловлено появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единое государство (Модэ у хунну, Тань-шихуай у сяньби, Абаоцзи у киданей, Чингис-хан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель должен был обеспечить поступление ресурсов извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась. Данный вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингис-хана.

Второй вариант (тюркский) был связан с образованием империи на периферии уже сложившейся степной державы. Данный путь можно проследить на примере взаимоотношений тюрков и жужаней, уйгуров и тюрков.

Третий вариант (гуннский) был связан с миграцией номадов на территорию земледельческого государства с последующим подчинением оседлых жителей (аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV—VI вв. в Северном Китае, каракидани в Восточном Туркестане).

Наконец, четвертый вариант (хазарский) был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных империй номадов — тюркской и монгольской. В первом случае империя разделилась на восточнотюркский и западнотюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли хазарский каганат и другие квазиимперские образования номадов). Во втором случае империя Чингис-хана была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильхачов), империю Юань (собственно Халха-Монголия и Китай). Впоследствии Золотая Орда распалась на несколько независимых друг от друга ханств.

Во всех перечисленных вариантах образования степной империи важная роль принадлежала личности создателя (или его наследника). Значение личностного фактора в создании кочевых империй неоднократно подчеркивалось многими исследователями. Однако при этом хотелось бы несколько изменить акценты. К. Флэннери отмечал, что антропологи обычно интерпретируют процессы политогенеза, исходя из тех или иных системных моделей, забывая при этом, что личные способности надплеменных лидеров играли в этих процессах весьма значительную роль. Как бы ни сложились условия для возникновения государственности, если во главе общества находился человек, неспособный правильно распорядиться доставшейся ему властью, качественного преобразования структуры не происходило. По всей видимости, такое многократно случалось в истории. Количество вождеств, существовавших в далеком прошлом, на несколько порядков было больше, чем государств. Однако лишь немногие из них преодолели данный барьер. Подобные факты не стали достоянием историков, поскольку история создается победителями и в ней обычно не бывает места для неудачников.

В связи с этим следует отметить, что личные качества правителя являются важным структурным фактором возникновения степной империи. Только при складывании различных внешнеполитических предпосылок (подъем соседней земледельческой цивилизации или ее распад, расширение международной торговли, экологические стрессы и т.д.) кочевники были способны объединиться в единую надплеменную конфедерацию. Данный фактор обычно считается ненаучным для объяснения исторических процессов. Однако все известные основатели крупных держав номадов описываются в источниках как правители с жестким, автократическим стилем правления.

Трудно в этой связи не согласиться с Т. Барфилдом, который пишет: «Чем больше я изучал истоки Монгольской империи, тем больше у меня складывалось мнение, что Чингис-хан играл более великую персональную роль, чем любой другой лидер в Монголии до или после. Я готов зайти дальше, утверждая, что если бы Чингис-хан был бы уничтожен или убит до 1206 г., в Монголии не появилась бы такая мировая кочевая империя… Когда большой дуб возвышается на земле, легко забыть, что он начинал свое

существование желудем, желудем, который могла съесть любая белка. И когда родился Чингис-хан, было очень мало желудей, но много голодных белок. Так как больше внимания обычно уделяется великим монгольским завоеваниям после 1206 г., обычно недооценивают, какими значительными были приход Чингис-хана к власти, объединение Монголии и создание могущественной империи».

В связи с этим необходимо напомнить о роли случайности в мировой истории. В биографии Чингис-хана слишком много было брошено на ветер фортуны. Но судьба, и правда, благоволила к своему герою. Разве не случайно, что Есугэя отравили татары, а смерть отца и распад вождества на глазах Темучжина нанесли подростку глубокую психологическую травму. Этот комплекс неполноценности он преодолевал всю жизнь и всегда больше доверял друзьям, чем родственникам. Разве не случайно, что он не был казнен тайджиутами или не потерял свою харизму после одного из поражений от врагов. Мы не можем знать, какой стала бы история мира в XIII в., если бы Чингис-хан, например, погиб от меткой стрелы своего будущего верного нукера Джебе. Многие подобные события происходят случайно, а потом историки интерпретируют их как объективную закономерность.

И хотя И. Тоган вполне в духе рассуждений Г. В. Плеханова «о роли личности в истории» полагает, что, если бы не появился Чингис-хан, на его месте оказался бы какой-то другой вождь из татар, кереитов, найманов и др., рискнем предположить, что это слишком смелое утверждение. Несомненно, история не знает сослагательного наклонения, но нельзя отрицать выдающихся способностей самого Чингис-хана. Если бы на его месте оказался Тоорил или Чжамуха, скорее всего, не было бы и кочевой империи. Поскольку Чингис не имел желания завоевать весь мир, теоретически он мог бы ограничиться созданием степной, а не трансконтинентальной державы. Отсутствие Pax Mongolica никак не повлияло на расцвет региональных мир-систем, а номады выполняли бы те же торгово-транзитные функции, что и раньше, только более масштабно и эффективно, чем в тюркско-уйгурское время, но менее объемно, чем при хаганах Чингисидах. Раньше или позже (возможно, не напрямую, а опосредованно), информация о порохе, книгопечатании и компасе все равно попала бы в Европу. Северный Китай продолжал бы оставаться под контролем чжурчжэней до естественной гибели династии, а сунская экономика достигла бы еще больших масштабов. Однако могло бы не быть монгольских походов в Среднюю Азию и на Русь (позднее, возможно, на Индию), и поэтому конкретная расстановка геополитических сил могла бы быть несколько иной. Не будем гадать, куда могла бы повернуть мировая история. Если бы все случилось по-другому, «имя Чингис-хана было бы известно историкам, но не Истории, как можно видеть на примере Тамерлана, который завоевал бóльшую территорию, чем Чингис-хан, но бóльшая ее часть была утрачена после его смерти» (*Fletcher*).